

Борис ЧЕРНЫХ

В последнем декабрьском номере «Огонька» за 1987 год был опубликован рассказ сибирского писателя Бориса Черных «Пляж перепелки». Многим свободенцам хорошо знакомо это имя. Борис Черных — уроженец нашего города, здесь прошло его детство, здесь он окончил в 1956 году школу № 9. Любовь к своей малой родине, он несет через всю жизнь, она находит отражение и в его творчестве. В «Урийских рассказах» писателя легко угадываются внешние приметы нашего города, события его недалекого прошлого.

Читателям «Огонька» Бориса Черных представлял известный советский писатель Фазиль Искандер. Вот что он пишет о нашем земляке: «Я достаточно давно знаком с рассказами и очерками сибиряка Бориса Черных. Они печатались в Москве, хотя и не очень часто. Он хороший знаток своего края, его людей, проблем. Некоторые его вещи, написанные в так называемые годы застоя, только сейчас начинают находить дорогу к читателю. Повышенное этическое напряжение, социальная активность, бесстрашие желание понять причины взлетов и падений человеческого духа — вот круг его писательских забот. Впрочем, все эти качества всегда были нашей неотъемлемой литературной традицией, как бы они не затухали в те или иные неблагоприятные годы».

Без сомнения, многие свободенцы, интересующиеся творчеством писателя-земляка, были искренне обрадованы сообщением о том, что Б. Черных стал лауреатом премии журнала «Огонек» за 1987 год. Его рассказ «Пляж перепелки» отмечен в одном ряду с выступлениями в журнале таких мастеров слова, как Чингиз Айтматов, Евгений Евтушенко, Наталья Ильина, Юрий Черныченко и другие.

В 1981 году Борис Михайлович прислал нам в редакцию два рассказа с просьбой опубликовать на выбор один из них с посвящением своим одноклассникам и учителям. В августе того года, в день встречи выпускников его родной школы, наша газета поместила рассказ «Случай из моей жизни». Думаем, что свободенцам будет интересно познакомиться сегодня и с другим рассказом, который остался тогда в нашем архиве.

Рассказ Борис Черных ЯБЛОКО НА ТРОИХ

АЛЯ ПОТИХОНЬКУ открыла дверь и вошла. — Садитесь, садитесь, — мягко, но густо долетело до нее, но она не могла пошевелиться.

Тогда он быстро встал, взял ее под руку, провел к столу и почти силой усадил.

— Итак, Аля, вот вам и двадцать восемь. Грустно?

Аля молчала, чувствуя, что оцепенение проходит. Она поняла это по тому, что вдруг увидела секретаря, его лысину, глаза в морщинах и скорбную складку у рта. Лицо у него было усталое, и ей стало понятно, что и он, комсомольский секретарь, не первой молодости, а поди ж ты — сидит на комсомоле.

— Ваше заявление слушали. — ровно говорил он, — конечно, удовлетворили. Но вы напрасно не указали, хотите ли у себя оставить комсомольский билет. А на фотографии в учетной вы совсем другая, будто бы и не вы...

Улыбка тронула его губы, и тогда лицо его стало мальчишеским.

Когда она возвращалась в нарсад, где работала секретарем, мир был по-прежнему пестр и многолик, но она не хотела этой пестроты, потому что с выложенным на райкомовское сукно билетом осталась молодость, на чужом столе. Она усмехнулась желчности пришедших мыслей: вот и вам скоро, милые, черед последний раз шагнуть в райкомы.

Ее привел в себя окрик судьбы Неупкоева, она замешкалась с бумагой. Аля радостно ощутила, что нет, кажется, она еще не совсем старуха и ответила с достоинством:

— Не шумите, Вениамин Анатольевич. Вот уже день, как я вышла из комсомольского возраста.

Неупкоев опешил, ушел к себе, а потом вернулся и, ломая руки, трагически вскричал:

— О, Алевтина Ивановна! Простите великодушно за содеянную грубость!

Аля расмеялась. Неупкоев был все-таки хорошим мужчиной.

Вспомнились мать и смутно брат погибший в Порт-Артуре летом сорок пятого года. Вспомнился секретарь райкома. Женат ли он? И от-

чего так рано полыхнул? И как он жил раньше? Знал ли высокое горение? Строил ли новые города или плотины? И вот — не жалет ли собственных денег в Фонд мира? Как билась она на последнем школьном сборище, но уломила только двоих, чистоли провалили дело: «После института, пожалуйста — хоть сто Тюменей»... Она и сейчас презрительно думала о чистюлях. Втроем они, конечно, не поехали, но чем дальше, тем чаще Аля тосковала по облюбленной, мало обжитой земле.

Еще через день пришло субботнее утро, вставать не хотелось. Одолевали воспоминания, мысли, ненужные в общем.

«Проснулась слишком рано, — подумала Аля, — знать оттого так слякотно на душе»...

Напрягшись, она встряхнулась и неожиданно подумала о том, что нужно бы отнести в починку туфли.

Она ухватилась за эту спасительную мысль и стала думать подробнее. А почему бы не отдать их Настеньке? Настенька их продаст, и у нее будет на рюмочку: Настенька любила выпить. Единственный сын ее, хулиганистый Антоша на Кубиков — Настенька звала сына по фамилии бросившего ее мужа — убежал в Казахстан и через полгода женился на комбайнерше. Комбайнерша написала Настеньке ознакомительное письмо: «Мамаша, мы с Антоном любим друг друга и трудимся в общих целях. Но Антоша, как полвечка бьет себя в грудь и плачет, говорит, найти бы мне отца, я бы живо сделал его инвалидом первой группы. И вас в чем-то винит, а писем писать не желает. Не такое, говорит, время, чтобы растрчивать силы в письмах... А ребята здесь выпивают, но Антоша внимательный и любящий муж...».

Настенька ответствовала сыну и невестке грозными словами, они замолчали и молчат почти год.

Коридор у Настеньки и Али общий, и Аля часто слышит, как Настенька подходит к ее двери и слушает, встала ли она. Иногда Настенька не выдерживает, тихо стучится и бочком входит.

— Аленька, — начинает Настя, — опять я тоскую, а он, проклятый, не пишет, хоть бы строчку черкнул... И все это, видно, она его подбаивает, сутенерка несчастная, — говорит Настенька чужим словом. Садится на стул, тяжело переламываясь в поясе и широко ставя ноги.

— ...По тону-то я чувую, это она все! — Настенька читает потрепанное письмо, но письмо ласковое, и она смиряется:

— А может быть, он в такой стороне, что и письма-то не хотят идти...

Вечером Настенька сядет в теплой кухне одна, снова будет перечитывать письмо и совсем было решится написать им еще раз — душевно и просто...

Мягкий солнечный свет омывал комнату. Не хотелось вставать.

«Зачем Настеньке туфли? Лучше-ка я возьму у нее адрес да напишу Антону. Нехорошо, так-то...».

ПОТОМ ЯСНО представилось, что сегодня суббота и нужно торопиться одышать. Аля потянулась рукой, отбросила легкую штормку с она, глянула на улицу.

Под окнами уже торопился люд, видно было, иные так — куда глаза глядят, другие — иступленно шагая к делам.

Из-за угла вырвался грузовик и проехал с визгом и ревом, — колхозники привезли на рынок поросят. Из чайной выбрела странная компания мужчин, в косоворотках, подвязанных тесьмой. И переплеск гитарный вошел в окно. Переселенцы гуляют, поныла она, Рановато. Но, боже, как живописен глава рода, выставляет товар — сыновей — лицом. А те-то, те-то, боже, как красивы их рубахи, как сильны их руки... А вот повезли гарнитур гдзэ-эровский, сыскался в Урийске богач...

И над всем осмысленным, деловым, что бежало, шло и натисало по широкой утренней улице, висел слетка пратухший шар солнца.

(Окончание следует).

В литературном объединении Встреча с писателями

НЕ ПЕРВЫЙ раз уже встречаются благовещенские литераторы, члены Союза писателей СССР Борис Машук, Олег Маслов, Станислав Федотов с членами литературного объединения нашего города. Внимательно и заинтересованно следят они за творчеством свободенцев. Вот и последняя январская командировка в наш город имела конкретную цель: дать оценку новым произведениям членов литобъединения, отобрать лучшие для публикации в областных изданиях. В течение двух дней шло рецензирование рукописей. И вот — встреча в редакции газеты «Зейские огни». Собралось около 30 человек. И каждый услышал мнение о своих работах. Критика была подчас резкой, неприязненной, но справедливой. Это признали все. Высоко оценили рецензенты остроумную повесть инженера-железнодорожника Евгения Молчанова. Но и на недостатки указали, предложили поработать над стилем, композицией, с тем, чтобы с ней в скором времени могли познакомиться читатели.

Литературные сборники «Приамурье мое» всегда с интересом встречаются читателями. Для очередного его выпуска будут рекомендованы и стихи членов нашего литературного объединения печатника типографии Михаила Кушнарера, ветерана педагогического труда Константина Хомьюка, учителя Людмилы Шишелякиной, воспитателя Валентины Бычковой, преподавателя Сычевской средней школы Евгения Хомякова. Их стихи читатели «Зейских огней» нередко видели на страницах газеты.

Здесь же, на заседании, корреспондент областного радио С. Демидов записал на пленку стихи в исполнении авторов для специальной передачи о работе литобъединения. Она недавно прозвучала в эфире.

Благовещенские литераторы побывали в те январские дни на предприятиях и в учебных заведениях города, провели творческие встречи с читателями.

А. ПАДАЛКО,
председатель литературного объединения при редакции газеты «Зейские огни».

Гость редакции «ПОЮ О ТОМ, ЧТО ПЕРЕЖИЛ»

Григорий Шумейко никогда не предлагал свои стихи для публикации в газете, хотя пишет давно и много. Он исполняет их под аккомпанемент гитары в кругу друзей и близких. Совершенно случайно его песнями-монологами заинтересовались благовещенские литераторы, побывавшие недавно в нашем городе. Григорий получил приглашение на одно из заседаний областного литературного объединения.

Остросоциальные, резкие, обжигающие суть многих негативных явлений в нашем обществе, песни Григория Шумейко, несомненно, заслуживают внимания не только случайных слушателей, но и более широкого круга читателей. Недавно Григорий был гостем нашей редакции. По профессии он строитель, много ездил по стране. Все, что видел и пережил, встречил с интересными людьми так или иначе преломилось в его стихах-песнях.

Сегодня мы знакомим наших читателей с творчеством Григория Шумейко.

Прозрение

Далеко от больших городов,
Где еще не найдены тропы
Я хотел бы построить
свой дом,
Чтоб не веяло смогом
Европы.

Я устал от людской суеты
И от глаз, пусть
красивейших даже,
Потому, что люблю я цветы,
Для души, только
не для продажи.

Кончается столетие,
А с жизнью все не так,
Жаль, поздно мы заметили,
Что совесть не чиста.

Мы выбрались из бедности,
А правда, как в петле,
Но стало трудно бред нести
О счастье на земле.

Надоели гирлянды афиш,
Перетряски интриг и всех
судеб,

И дома все как будто
без крыш,
А из них, словно карлики,
люди,
Выел совесть престижный уют
И престиж на чужих

этикетках,
Только вольные птицы поют,
А рыдают, которые в клетках,
Из тоннеля не виден просвет,
От людей так и дышит

суровостью,
Жить хочу, где безумия нет,
Жить хочу, где не продана
совесть,

Я согласен хоть за облака,
Чтоб не видеть людской

карусели,
Ведь земля наша издалека
Лучше смотрится,
чем в самом деле,

Редактор Е. Т. КОРОТКОВА.

ЯБЛОКО НА ТРОИХ

(Окончание.
Начало в № 25).

Аля открыла окно настежь, вслушиваясь в сухие вскрики улицы. Ей припомнилось, сначала бессвязно и сбивчиво, а потом — все увереннее, что там, где когда-то она ходила в школу, в узкой улице, пронизанной нитями солнца, сидели три китайца — сапожники. Они тогда понравились ей. С нею это случалось часто: то не понравятся, то тихо полюбятся неизвестно за что люди.

Все трое были веселы, беспечны. Сначала они работали в деревянной будочке — стены ее пестрели видами Пекина и Шанхая. Одна стенка была с видами приморского города. Однажды Аля хотела спросить: «А где же здесь Порт-Артур?» — там лежал ее старший, ее единственный брат. Перед глазами у нее так и стояли сиреневые берега невиданных рек с красивыми, как на чайном блюде из детства, переходными арками...

Потом какие-то хозяйственники отобрали будку у китайцев, и китайцы исчезли. Но вскоре опять появились, их потянуло снова туда, где они прожили уже большую часть жизни. Городские сапожники неистовствовали: мастера-китайцы отнимали у них клиентов.

Аля тотчас быстро встала, приделалась, припудрилась, положила в сумку туфли и деньги и пошла.

УРИЙСК УЖЕ вовсю бодрствовал, на площади Сергея Лазо, у магазинов торговали пивом и мороженым. У кинотеатра толпилась очередь — показывали новейший боевик о невероятных подвигах наших разведчиков, и реклама — огромный щит два на два — заманивала: идите скорее, не пожалеете, и все закончится полной победой наших и гибелью врагов.

Аля любила эти легкомысленные фильмы и чуть было не соблазнилась, но встретила Игошина. Он благообразно раскланялся и миновал ее, но вдруг догнал и взял за локоть:

— Аля, ты все в нарсуде? Мой внук попался на мелком деле, втянула компания. И парень как парень, а насмотрелся вот этих, — Игошин показал на щит у кинотеатра, — и потянуло на подвиги...

Игошин был ее учителем, а еще раньше директорствовал в девятой школе, через его руки прошли сотни судеб, и всех он помнил в лицо и по именам, но был он суров и властен.

— Словечко не замолвишь Неупокоеву? Понимаешь, девочка, я бы и сам не посты-

дился придти, но ты же помнишь, у нас учился его сын, лихой корешок: я прижимал его — и правильно делал! — и на отца шумнул как-то, с трибуны, принародно. Вот с, теперь не могу стучаться. Да и кто я нынче? Пенсионер урийского значения...

Аля обещала замолвить словечко и мило рассталась с Игошиным. Ее тронула беда старого учителя и она простила ему все старые обиды, ох, да и какие там обиды: двойку поставил за Пушкина — Игошин считал Пушкина атеистом, а Аля опрометчиво назвала поэта верующим... Или отругал за маникюр — и поделом, поделом.

Аля притормозила шаг и внезапно поняла, что она не узнает улицы и квартала, где некогда стояла будка беспечных сапожников. Пятиэтажки и краны обступили округу. Аля метнулась в одну сторону и в другую, и в боковом переулке, под вязами, увидела китайцев: они, как и сто лет назад, восседали на низких табуретах и о чем-то мирно и ловко говорили. Как и сто лет назад. Перед одним из китайцев сидела женщина и смотрела на свою красивую ногу в синем носке.

Возле каждого мастера стояли ящички, перегороженные фанерой на отделения. В одном — крохотные, блестящие гвоздики в другом — покрупнее, в третьем — толстые, похожие на миниатюрные бревнышки.

Все это Аля охватила взглядом, пока подходила к китайцам.

Китайцы многозначительно переглянулись и как бы заставились.

У того, кто быстро вгонял гвоздики в туфли, появилась лукавая усмешка. И когда Аля уже села на низкий табурет напротив одного из сапожников, она увидела яблоко.

Сначала ей бросилось в глаза какое-то яркое пятно, но она смотрела, узнавая их, древние руки мастера. Руки были действительно древние, наверное, такие же древние, как их профессия. Желтизна их отливала пергаментом. Женщина встала, притопнула туфель и ушла.

Сновали мимо мальчишки, один крикнул:

— Смотрите, у него в гвоздях яблоко!

Аля не слышала ясно слов, слышала «яблоко», но потом поняла, что она слышала и «гвозди» и понять не могла, почему мальчишка кричал о яблоке и о гвоздях, вместе употребляя эти далекие друг другу слова.

Она растерянно посмотрела на всех трех китайцев, потом — на то, что было при каждом: металлические лапы, на которые они надевали туфлю, на молоточки, посмотрела на ящички, увидела яблоко и тоже удивилась — в грязных гвоздях лежит яблоко, румяное и пыльное яблоко.

Китаец, что так складно говорил с соседями и бил молоточком по ее туфельке, перехватил ее взгляд и сказал:

— Оттуда, с Хуанхэ...

И осторожно улыбнулся.

Она уже долго сидела, а уйти боялась: вдруг они потом скажут, что не брали у нее никаких туфель...

— Ну вот и все. — по-детски сказал китаец, поднося на ладонях, как принц Золушке, туфли.

Она открыла сумку, доставая деньги, но мастер положил острую ладонь на ее руку.

— Не надо, барышня, не надо. Седня я работаю так, просто так. А завтра он будет, — он кивнул на сидящего справа китайца, — так, просто так... А потом и он... А это оттуда, с Хуанхэ...

Аля вслед за ним поглядела на яблоко, стараясь понять тайный смысл, который вкладывал старик-китаец в слова,

— А ты, барышня, не говори много никому. А то соседи будут ругаться. А зачем ругаться... — И он коротко и очень приятно рассмеялся, и все китайцы рассмеялись.

— Верно — зачем ругаться...

И они снова привалялись смеяться, и лица их были солнечны.

Когда она, ошарашенная и светлая от неожиданного, какого-то радостного и непонятного еще от его неожиданности, толчка, пришла домой и, вынув из газеты туфли, стала их примерять, первое, что она подумала, было:

— Жить, Аля, жить... Ходить по земле, любить улицы детства и волшебников с пергаментными рунами... Благодарно помнить уроки Игошина... Хорошо и понятно писать Неупокоеву бумаги, печалиться, когда он сурово судит урийцев... Нет, надо жить, жить, жить...

За дверью громко и торжественно читала заношенное письмо Настенька, в окно лезли праздничные звуки, по полу ходили тараканы — все двигалось, говорило, дышало. Даже печь, возле горячей спины которой она спалась зимними вечерами, даже печь вдруг вышла на середину комнаты и сказала низким и глухим баритоном:

— Я хочу жить, я хочу искупать теплом к тебе,

от учебы и работы, что в дальнейшем приводит к преступлению. Все, исключая только самых маленьких, состоит на учете. Если не забрать их от такой матери, они тоже встанут на путь преступлений.

Комиссией вынесено решение о лишении родительских прав Баженовой, но, к сожалению, довести дело до конца нет возможности, так как матери с таким почетным званием не лишаются судом прав. А дети у подобных матерей голодные, раздетые, не видят материнской ласки заботы и, по сути дела, лишены счастливого детства.

И. ФИЛОНОВА,
ответственный секретарь комиссии по делам несовершеннолетних при горисполкоме.

Славится своим трудом на участке гальваники на филиале Благовещенского электроаппаратного завода бригада, которой руководит Галина Александровна Беляева. Этот коллектив успешно начал новый трудовой год, заняв одно из первых мест в социалистическом соревновании за январь. Месячное задание бригада перевыполнила на 15 процентов.

Более 15 лет трудится на этом участке Галина Александровна и передает свой опыт другим работницам. Она обучила своей профессии и Н. А. Демиденко, которая сейчас трудится так же качественно и высокопроизводительно. Бригада Г. А. Беляевой намерена досрочно выполнить шестимесячное задание и достойно встретить XIX Всесоюзную партийную конференцию.

НА СНИМКЕ: (слева направо): Г. А. Беляева и Н. А. Демиденко.

Фото А. Девяткина.

К 70-ЛЕТИЮ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ

Еще одна звезда на фронте

Следопыты школы-интерната № 4 побывали у участника битвы за Сталинград И. М. Землянского, поздравили с наступающим юбилеем Советской Армии и Военно-Морского Флота.

Ветеран тепло встретил учащихся, рассказал о своем боевом пути. А начал он в июне 1942 в составе 96 дивизии, скомплектованной из мурцев и хабаровчан. В городе Балашов дивизия вошла в состав 21 армии под командованием генерал-майора Истякова. Был дан приказ разгромить фланг противника, который держали румынские войска, освободить населенные пункты, плотно закрыть дорогу немцам, рвущимся на подмогу в Сталинград.

Иван Михайлович выложил на стол фронтовые снимки, благодарности от Верховного командования, боевые награды. По этим, уже пожелтевшим документам, ставшими семейными реликвиями и являющимися бесценным материалом для истории, можно читать целые страницы великого сражения за нашу Родину. Среди них — удостоверение за участие в героической обороне города Ленинграда, благодарность Верховного командования за отвагу при взятии Данцига, пять Почетных благодарностей за освобождение польских городов от фашистских войск, за взятие немецких городов Висмар, Ваттенберг и др. Есть фотографии встречи с союзными войсками, братания с американскими солдатами.

Ребята задавали много вопросов, на которые И. М. Зем-

лянский подробно отвечал. Интересовались, хорошо ли была дивизия подготовлена к битве за Сталинград.

— Духовно мы были подготовлены. Все знали — в Сталинграде решается судьба нашей страны и без приказа понимали: надо стоять до последнего солдата и уничтожить врага, а материальная база была слабой. Наша артиллерия двигалась на конной тяге. В бою трудно сохранить лошадей. Грузовых автомашин, тягачей не хватало. Стрелковые части были вооружены карабинами. Автоматы получили позже, — рассказывал фронтовик. Из памятных эпизодов войны Иван Михайлович вспомнил о точном бое нашего артополка с немецкими танками.

— На наши позиции двигались пятьдесят танков противника, — говорил ветеран. — Я был командиром 76-миллиметровой пушки. Вели огонь непрерывно, прекратили на короткое время, пока не остынет ствол и — снова огонь. Танки не прошли. Большую помощь оказали наши «Катюши».

Прощаясь с ветераном, ребята прибили на фронте его дома Красную звезду участника войны.

И. ИВАЩЕНКО,
руководитель группы следопытов школы-интерната № 4.

Трудный вопрос

Какие же они героини?

ИЗВЕСТНА забота нашего государства и правительства о многодетных семьях. С огромным уважением мы относимся к женщинам, воспитавшим своих детей честными, трудолюбивыми, несмотря на все трудности.

Мне по роду своей работы приходится встречаться с разными семьями. Много у нас в комиссии по делам несовершеннолетних состоит на учете детей, чьи матери носят почетное звание «Матери-героини». Невольно возникает вопрос: для чего такие женщины дают жизнь стольким детям, не желая их воспитывать, заботиться о них?

Не так давно из села Черновки к нам в город приехала семья Васильевых, но уже

попала под контроль отдела внутренних дел. Два старших сына совершили преступления, были осуждены судом, дочь Оксана состоит на учете за кражи. В квартире, где они живут, полнейшая антисанитария. Мать, имея столько детей, не работает, воспитанием не занимается.

А. П. Васильева не раз приглашалась на заседания комиссии, ее обязывали устроиться на работу, но она продолжает вести паразитический образ жизни. Преступные действия своих детей не только не пресекает, но способствует их совершению.

На особом контроле семья Баженовых. Мать также удостоена звания матери-героини. А дети всячески уклоняются